

И. Л. Петрухин, Г. П. Бату-
ров, Т. Г. Морщакова. **Теорети-
ческие основы эффективности право-
судия.**—М.: Наука, 1979.—390 с.

Рецензируемая монография посвя-
щена одной из актуальных проблем
юридической науки—исследованию ме-
тодологических основ эффективности
правосудия. Исследование начинается
с выяснения социальной природы право-
судия, механизма его воздействия на
преступность.

Системный и функциональный под-
ход дал возможность автору (И. Л.
Петрухин) выяснить управленческую
природу целей правосудия, провести
их классификацию. Выделение «уз-
ких» целей правосудия, свойственных
этому виду государственной деятель-
ности, создало предпосылки их после-
дательной операционализации, выра-
женные в удобной для измерения
форме. Нельзя, однако, согласиться с
отнесением такой цели, как принятие
судом мер предупреждения правонару-
шений к факультативным целям пра-
восудия (с. 63). Как известно, выяс-
нение обстоятельств, способствовав-
ших совершению преступления, входит
в предмет доказывания (ст. 68
УПК РСФСР) и является обязатель-
ным по каждому делу. По этому пути
идет и судебная практика, рассматри-
вая нарушение требования о выясне-
нии таких обстоятельств, как существен-
ное процессуальное нарушение, вы-
зывающее отмену приговора.

При рассмотрении вопроса о си-
стеме условий эффективности право-
судия, о путях оптимизации его гаран-
тий авторами высказаны заслуживаю-
щие внимания предложения о расши-
рении коллегияльного судебного кон-
троля за процессом предания суду, о
предоставлении права обвиняемому и
его защитнику участвовать в распоря-
дительном заседании и др. Трудно
поддержать лишь предложение допу-
стить исследование в распорядитель-
ном заседании суда отдельных сомни-
тельных доказательств, когда решается
вопрос о прекращении дела или
возвращении его для доследования
(с. 218—219). Введение в эту стадию
уголовного процесса элементов судеб-
ного следствия чревато реальной
опасностью превращения ее в репети-
цию судебного разбирательства. Точно
также вызывает сомнение и отрица-
тельная оценка зонального принципа
распределения дел в судах второй ин-
станции (с. 221). Не убеждает и кате-
горический вывод о заинтересованно-
сти членов вышестоящих судов в за-
вышении оценок работы закрепленных
за ними нижестоящих судов. Думается,
что это не так. Ведь члены касса-
ционного суда не несут никакой ответ-
ственности за качество работы ниже-
стоящих судов и процент отмены при-
говоров не имеет для них по существу
никакого значения. На наш взгляд,
предпочтительнее не отказываться
полностью от этого опробированного
многолетней практикой принципа орга-

низации работы вышестоящих судов,
а использовать его в сочетании со
специализацией судей по важнейшим
категориям дел. В монографии пред-
принята плодотворная попытка разра-
ботать методики измерения эффектив-
ности правосудия по уголовным делам
для оценки его в целом и по отдель-
ным стадиям процесса. Полагаем, что
на практике найдут применение и
предлагаемые в работе методы выяв-
ления и измерения воспитательно-пре-
дупредительного воздействия судебного
процесса.

Ценные суждения и выводы, а
также обоснованные предложения и
рекомендации содержатся в пятой,
заключительной главе, в которой рас-
смотрен целый комплекс вопросов,
связанных с судебным управлением
как условием эффективности правосу-
дия. Так, представляются своевремен-
ными суждения о создании в мини-
стерствах юстиции особых структур-
ных подразделений по НОТ, об усиле-
нии морального и материального сти-
мулирования судебных кадров в це-
лях стабилизации и повышения эффек-
тивности их труда и др.

Монографическое исследование
И. Л. Петрухина, Г. П. Батурова,
Т. Г. Морщаковой является весомым
вкладом в теоретическую разработку
проблем эффективности правосудия.

И. И. Мартинович

**В. Н. Кузнецов. Французское
неогегельянство.**—М.: Изд-во МГУ,
1982.—200 с.

Большим достоинством рецензи-
руемой книги является то, что в ней
дана широкая панорама французского
неогегельянства, выявлены его теоре-
тические источники (немецкое неогег-
ельянство, экзистенциализм, а также
феноменология Гуссерля). Автор по-
казывает, как под влиянием феноме-
нологии и экзистенциализма многие
французские буржуазные философы
решили вернуться к духовному насле-
дию Гегеля и стали его по-своему
интерпретировать при создании собст-
венных философских концепций.
В. Н. Кузнецов детально рассмотрел
взгляды крупнейших французских
неогегельянцев—Ж. Валя, А. Коже-
ва, Ж. Ипполита, отметив общность и
различия между ними, неоднородность
и противоречивость французского
неогегельянства в целом как сложного
идеологического явления, в котором
причудливо сочетаются разные аспек-
ты и идеи буржуазной философии.

К анализу французского неогегель-
янства автор книги подходит истори-
чески: сначала рассматривает воззре-
ния первого неогегельянца XX века
Ж. Валя, затем А. Кожева и, наконец,
Ж. Ипполита. Такой подход позволяет
раскрыть этапы становления и разви-
тия французского неогегельянства, вы-
явить связующие линии между рас-

личными интерпретациями гегелевского философского наследия и показать эволюцию французского неогегельянства.

Прежде всего автор анализирует воззрения основоположника неогегельянства во Франции Жана Валья (1888—1974), который был в течение нескольких десятилетий профессором в Сорбонне и одновременно президентом французского философского общества. Ж. Валь пытался в духе буржуазных интерпретаций Гегеля трагизировать его философию, неправомерно распространяя введенное немецким философом в его раннем произведении «Феноменология духа» понятие «несчастное сознание» на характеристику общественного сознания отдельных периодов истории. Вместе с тем Ж. Валь пытался выявить теологическую сущность философии Гегеля. В. Н. Кузнецов аргументированно доказывает, что эта попытка теоретически несостоятельна, ибо «во всех случаях, когда Гегель касался религиозных проблем, он подходил к ним не как теолог, а как философ... Достаточно углубленное исследование открывает философскую основу во всех гегелевских суждениях о религии и теологии» (с. 27). Но Ж. Валь не останавливается на попытке теологизировать философию Гегеля, следующим шагом становится его утверждение о ее якобы иррационализме и панлогизме. Рассматривая вопрос о панлогизме, автор рецензируемой работы приходит к выводу, что внимательный анализ всех произведений Гегеля в целом показывает, что гегелевская философия не является панлогической.

В. Н. Кузнецов не согласен и с отрицанием рационализма у Гегеля, ибо здесь позиция Ж. Валья зиждется на зыбкой почве. «Усматривая в гегелевской философии иррационализм там, где в действительности формировалась новая, высшая по сравнению с метафизическим способом мышления форма рационализма, Валь вместе с тем оставил без внимания действительные изъяны последнего, обусловленные тем, что он использовался для обоснования системы абсолютного идеализма. Именно стремление Гегеля представить все сущее как процесс саморазвития абсолютной идеи приводит к появлению в картине последнего таких звеньев, которые классики марксизма-ленинизма квалифицировали как «мистические» и прикрывающие рациональной формой иррациональное содержание» (с. 48). Именно они подвергли научной критике «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики» и вскрыли вместе с тем ее рациональное зерно.

Если Ж. Валь пытался теологизировать философию Гегеля, то другой неогегельянец Александр Кожев (1902—1968) решил придать ей «атеистическую» окраску, утверждая, что диалектика Гегеля пронизана духом атеизма. Аргументированно и убедительно

В. Н. Кузнецов доказывает несостоятельность подобных утверждений, отметив, что позиция французского неогегельянца неоригинальна, так как еще в начале 40-х годов прошлого века Б. Бауэр назвал Гегеля атеистом и антихристом. Но ему не удалось, как это не удалось и А. Кожеву, доказать атеистический характер философии Гегеля. «Атеистическо-антропологическая» интерпретация А. Кожевным гегелевской философии есть «выражение присущей ему антиматериалистической интенции» (с. 57).

Несостоятелен и тезис А. Кожева об экзистенциалистском характере диалектики Гегеля. В. Н. Кузнецов отмечает, что А. Кожев излагает лишь «Феноменологию духа» (где тоже, конечно, диалектика разрабатывается), но умалчивает о «Науке логики», в которой диалектика получила наиболее полную и всестороннюю разработку в плане универсальности: раскрыта ее роль не только в обществе, но и в природе. А поскольку А. Кожев вместе с экзистенциалистами отвергает роль диалектики в природе, он не касается этой фундаментальной работы Гегеля.

Автор рецензируемой работы проводит скрупулезный анализ интерпретации А. Кожевным социально-исторической проблематики философии Гегеля. И, как он совершенно правильно пишет, Кожев полностью остается на позициях гегелевского идеализма «в объяснении человеческой истории внутренней потребностью самосознания в исчерпывающем знании» (с. 87). В некоторых вопросах он просто не понял гегелевское учение о развитии человечества. Кожев-идеалист не смог научно истолковать гегелевскую концепцию отношений раба и господина. Он волей-неволей выдавал Гегеля за философа, отчетливо увидевшего в истории процесс классовой борьбы (с. 97). В. Н. Кузнецов вскрывает несостоятельность и произвольность трактовки Кожевным истории, в частности периода Великой Французской буржуазной революции и наполеоновской буржуазной империи, которую он безудержно идеализирует, вульгаризацию атеизма и действительно исторического значения французского Просвещения и французского материализма.

В третьей, заключительной главе работы автор критически рассматривает воззрения Жана Ипполита (1907—1968), который был не только неогегельянцем, но и марксологом.

Остановимся еще на одном пункте, имеющем важное теоретическое и практическое значение. Мы имеем в виду влияние неогегельянства на формирование ревизионистских взглядов А. Лефевра и Р. Гароди. Совершенно прав В. Н. Кузнецов, что «в основу своего понимания марксистской философии Лефевр положил ее отношение к гегелевской философии...» (с. 180). Для Лефевра, подчеркивает автор, ха-

рактрно игнорирование коренного отличия марксистской философии от гегелевской. Фальсификация философии марксизма со стороны ревизиониста Лефевра получает убедительную критику в работе В. Н. Кузнецова. Также убедительно критикует автор книги и воззрения другого ревизиониста-рenegата—Р. Гароди. Оригинально представлено в книге влияние Валя, Кожева и Ипполита на формирование и эволюцию французского «атеистического» (точнее, богоборческого) экзистенциализма, прежде всего Сартра и Мерло-Понти.

Высоко оценивая книгу В. Н. Кузнецова, вместе с тем хотелось бы высказать ее автору некоторые пожелания и замечания. Так, было бы желательно глубже раскрыть влияние неогегельянства на духовную жизнь Франции. Следовало бы показать роль неогегельянства в формировании реакционных воззрений «новых философов», появившихся на идеологической сцене Франции в середине 70-х годов нашего столетия. В книге имеются и отдельные полиграфические ошибки. В целом же фундаментальное исследование В. Н. Кузнецова вносит значительный вклад в научную критику современной буржуазной философии и идеологии.

**И. А. Гобзов,
Э. К. Дорошевич**

В. А. Стокяло. Критика фальсификации католическими идеологами исторического материализма.— Киев—Одесса: Вища школа, 1980.—216 с.

Монография В. А. Стокяло—актуальный, глубоко содержательный труд, имеющий важное значение для методологического анализа современных концепций католицизма по вопросам социального развития, движущих сил социального прогресса, духовной жизни общества. В работе вскрыты связь католицизма с буржуазной антропологической школой, с различными научными концепциями генезиса личности, роли материального производства в развитии общества, а также с ревизионистскими концепциями о соотношении массы, класса и партии.

Вскрывая идеалистическую сущность концепции антропогенеза, В. А. Стокяло пишет, что уступки буржуазного естествоиспытателя П. Оверхаге идеализму «послужили в первую очередь основанием для научного сотрудничества с ним крупного теоретика католицизма из ФРГ К. Ранера... Принципиальную возможность «гармонического сотрудничества» теологии и естествознания К. Ранер усматривает в том, что подлинные результаты естественнонаучного понимания мира не могут противоречить откровению...» (с. 25).

В книге удачно анализируется повторение современными теологами давно уже раскрытых марксист-

тами идей буржуазных философов о марксизме как идеологии, а не науке, об «односторонности», «партийности» марксистской философии. «Чтобы доказать «ненаучный» характер марксизма-ленинизма, в том числе и диалектического и исторического материализма,—пишет автор монографии,—католические теоретики прибегают к широко распространенному в современной буржуазной и ревизионистской идеологии тезису о несовместимости партийности этого учения с научностью» (с. 127).

Книга насыщена фактическим материалом, убедительно подтверждающим, что критика исторического материализма современными католическими философами поконится на методологических посылках по этому вопросу, разработанных буржуазными философами еще в XIX и начале XX веков. Методологическую основу современного католицизма составляет буржуазная идеалистическая философия, прежде всего неомизм и логический позитивизм. Хорошо прослеживается в книге эволюция католицизма в сторону анализа социальной действительности, попытка «подстричь» некоторые догмы, приспособить их к новым социальным процессам, показать диалектичность «святого» учения. Оригинальным является и фактический материал, добытый из первоисточников, изданных на немецком языке. Автором прочитано и использовано для марксистской критики более ста книг на немецком языке, написанных видными теоретиками католицизма Бохенским, Фетчером, Веттером и др.

Книга В. А. Стокяло—цельное научное исследование, в котором поставлен ряд новых проблем, дана глубокая критика католической философии по вопросам анализа социальной действительности, показана несостоятельность фальсификации католическими идеологами исторического материализма. Нет сомнения, что эта работа будет полезна всем, кто исследует проблемы критики буржуазной, религиозной и ревизионистской литературы.

Г. П. Давидюк

Т. П. Богданова. Молодой рабочий: гражданское и профессиональное становление.— Минск: Беларусь, 1981.—142 с.

Комплексная разработка проблемы формирования активной жизненной позиции советской молодежи, рабочей молодежи в частности, обуславливает появление на книжных полках все новых и новых книг на эту тему. Среди них привлекает своей оригинальностью монография Т. П. Богдановой, которая посвящена раскрытию творческих потенций советской молодежи, формированию ее гражданственности, новых черт социальной личности, ка-